

Ше Цзе плавно втянулся в новое русло жизни: теперь каждый его день проходил в долгих беседах с приятелем Цянь Цзя о том, действительно ли пресловутый Фан Чаоцы столь всемогущ, как о нём судачат. Между делом юноша снисходил и до забот насущных — справлялся, как продвигается подготовка к грядущему празднику Чжунъюань.

Старый управляющий замер у расписной ширмы с тушевым пейзажем. Склонившись в почтительном поклоне, он спросил:

— Четверо братьев уже ожидают за дверью. Велите впустить?

Для престарелого слуги это был проверенный способ расшевелить молодого хозяина и вернуть ему утраченную бодрость духа.

— Зови, зови их!

Ожидания старика оправдались: едва речь заходила о забавах и пирах, как к Ше Цзе мгновенно возвращались силы. Можно было подумать, будто не его минуту назад выворачивало наизнанку с такой силой, что белый свет казался не мил.

В усадьбе Ше служили четверо братьев, на чьи плечи ложилась организация любых торжеств и переговоры с «четырьмя ведомствами и шестью службами». Одновременно они были неизменными сотоварищами наследника в его проказах, воплощая в жизнь любую его сумасбродную выдумку. Но куда важнее была их тайная роль: уберегать Ше Цзе от неприятностей, в которые тот вечно влипал из-за своего острого и несдержанного языка. По сути, братья служили телохранителями. В критический момент каждый из них имел право призвать на помощь несколько сотен отборных гвардейцев, оставленных юноше Великой старшей принцессой-покровительницей государства для защиты от любых невзгод.

Четверо близнецов являли собой зрелище на редкость примечательное. Высокие, широкоплечие, мощного телосложения, они походили друг на друга как две капли воды. Иноземную кровь в них выдавали одинаково резкие черты: высокие переносицы и глубоко посаженные, непривычные для здешних мест глаза.

Поговаривали, будто родом они из двоеданных земель, что лежали на стыке границ Великой Ци и варваров, и текли в их жилах обе крови.

Само понятие «двоеданные земли» было сугубо казенным, мало кому из простых обывателей ведомым. Но эти спорные территории действительно раскинулись на суровых северо-западных рубежах, образуя зону совместного владения империи и варваров. Обе стороны яростно оспаривали права на эти края — этот узел завязался еще при прежней династии Чжоу, но и с приходом новой власти распутать его не удалось. Спор затянулся на долгие десятилетия, и в конце концов обе стороны махнули рукой, заморозив конфликт.

Обитателей тех рубежей именовали двоеданцами. Обладая сомнительной привилегией

двойного подданства, они выплачивали двойные налоги и отбывали двойную повинность, за что злые на язык люди прозвали их «дважды обобранными».

В столь зыбком мире и люди рождались особенные: почти все союзы между подданными империи и варварами заключались именно там.

Сама по себе смешанная кровь не была клеймом, но братьям не повезло явиться на свет вчетвером. У варваров близнецы считались дурным знаменем, наводящим ужас, а появление четырех младенцев разом и вовсе приравнялось к страшному проклятию.

В землях Великой Ци к подобному относились иначе. Здесь рождение четырех сыновей за один срок сочли бы чудом и благословением небес, сулящим дому процветание.

Отец братьев был родом из империи, мать — из варваров. Пока глава семейства оставался жив, они кое-как сводили концы с концами. Но едва его угнали на казенные работы, откуда бедняга так и не вернулся, мать без малейших угрызений совести бросила детей на произвол судьбы. С ранних лет сироты познали нужду и побои. В конце концов, спасая свои жизни, братья решились на отчаянный шаг: улучив минуту, они бежали вглубь империи Ци, где на полукровок не смотрели как на исчадия ада.

Пока погоня не настигла беглецов, им улыбнулась удача — на них обратила взор Великая старшая принцесса Вэнь Тянь. После суровой выучки возмужавших братьев без лишних церемоний приставили к Ше Цзе.

У кочевников испокон веков не водилось фамилий — лишь имена. Ше Цзе, недолго думая, пожаловал соратникам собственную фамилию, но менять их длинные варварские имена не стал. Выговаривать эти зубодробительные созвучия обитателям усадьбы было недосуг, поэтому братьев быстро переименовали на местный лад: Ше Далан, Ше Эрлан, Ше Саньэр и Ше Сяосы. Сами они охотно откликались на новые прозвища, в которых им чудилось долгожданное тепло родного очага.

Братья переступили порог один за другим. На всех четверых были одинаковые хлопковые халаты — слуги уже успели облачиться в сизые осенние одежды, отличавшиеся лишь искусной вышивкой на обшлагах и воротниках, помогавшей не путать близнецов.

В доме Ше слугам исправно шили новое платье каждую четверть года, причем цвета никогда не повторялись. Ше Цзе питал слабость к опрятности и любил, чтобы вокруг все так и сияло чистотой. Время от времени он позволял себе безобидные шутки при выборе тканей, заставляя челядь качать головами от изумления, но никогда не доводил дело до взаимных обид. Слуги со временем уяснили: их господин лишь притворяется ветреным бездельником, на деле же он прекрасно видит невидимую черту, за которую переступать не следует. Будь он по-настоящему недалеким, у него ни за что не получилось бы так точно выдерживать этот баланс.

— Саньэр, послушай, — загорелся Ше Цзе, обращаясь к третьему из братьев. — Как думаешь, раздобудем в этот раз барана?

Поверий, связанных с праздником поминовения усопших, существовало великое множество. Обряды севера разительно отличались от южных, и даже в пределах одного города у каждой семьи находились свои причуды. В усадьбе Ше давным-давно устоялись собственные традиции, и управителю не грозило никаких хлопот, если только наследник вдруг не решит сотворить очередную невообразимую глупость.

Обычай дарить барана, к слову, пришел из префектуры Чжэньдин. Там в этот день предкам подносили ранние плоды, а внукам от замужних дочерей отправляли в подарок целого пропаренного барана — хотя кое-где такой же щедрый дар предназначался самим дочерям.

Когда Ше Цзе был совсем мал, его дед, покойный император Тай-цзун, неизменно присылал внуку барана к празднику. Государь стремился уберечь беззащитного сироту, рано потерявшего отца, а заодно наглядно демонстрировал вельможам: пусть у мальчика нет отцовской опоры, его хранит императорский род, и горе тому, кто посмеет поднять на него руку. К несчастью, Тай-цзун успел порадовать внука лишь дважды, прежде чем преставился. Старший дядя, заняв трон, бережно перенял этот обычай вместе с бременем власти, а после него эстафету подхватил двоюродный брат. Казалось, этой преемственности суждено длиться вечно.

Увы, теперь у Ше Цзе не осталось и кузена. Младший дядя, хоть и был человеком незлобивым, отличался умом слишком суетным, так что рассчитывать на его память не стоило.

— Что ж, раз дарителя больше нет, я сам преподнесу себе барана от имени дедушки, — юноша легко отмахнулся от печали. Всякая грусть улетучивалась из его сердца столь же стремительно, как капля росы с широкого лotosового листа под полуденным солнцем.

— Разве баран — это так дорого? — бесхитростно подал голос Ше Эрлан, у которого со счетом с детства не заладилось. — Мы малышами отары пасли, так они все холмы усыпали. Столько их было, что и не сосчитать.

Пересчет овец и впрямь требовал недюжинного терпения, ведь скотина никогда не стояла на месте. Ше Цзе воочию представил, как недотепа Эрлан в юности тщетно силился навести порядок в стаде, растерянно чеша затылок.

— Разумеется, дорого! — Ше Цзе ласково щелкнул Эрлана по лбу. — Разве тебе неизвестно, что баранина — пища благородная, чистейший деликатес, который подают лишь к столам вельмож?

На дворцовой кухне Великой Ци поварам велели готовить исключительно из баранины — таков был суровый высочайший указ. Мясо варили, жарили, томили, запекали во всевозможных приправах. Но как бы ни исхитрялись кулинары, если потчевать человека одним и тем же изо дня в день, у любого с души воротит. И Ше Цзе, увы, стал главной жертвой этого кулинарного гнёта. Делать было нечего: баранина оставалась страстью всей жизни его прадеда, основателя династии Тай-цу. Рожденный на юге, старик души не чаял в этом мясе и, заполучив корону, принялся набивать им утробу без всякой меры.

Кто знает, как вышло, что прихоть покойного государя обернулась нерушимым правилом. Нынче лучшую баранину везли из уезда Фэньи, что в землях Шэньси, и пичкали ею обитателей дворца безостановочно. Ше Цзе от этих трапез порой готов был взвыть, всерьез опасаясь, что однажды сам покроется кудрявой шерстью.

Конечно, почетное место баранины на пирах объяснялось еще и тем, что пригодные для выпаса северные степи прочно удерживали варвары. Поставлять скот в империю было некому, а редкость, как известно, всегда ценится втридорога.

— О, это мне ведомо! — подал голос приятель Цянь Цзя, окончательно примилившийся со своей участью главного усадебного глашатая. — Какой-то мающийся от безделья дурак не поленился и подсчитал: за год двор пожирает без малого четыреста тридцать четыре тысячи четыреста шестьдесят три цзиня и четыре лян мяса!

С последним словом в окутанной тонким ароматом благовоний палате воцарилась гробовая тишина.

— Что не так? — растерялся рассказчик.

Добродушный Ше Эрлан попытался было кашлянуть, спасая положение, но Ше Цзе без лишних церемоний прервал его мучения. Небрежно запахнув тонкую домашнюю рубаху, приоткрывавшую плечи, он совершенно спокойно указал пальцем на себя:

— Разочарую тебя: этот мающийся от безделья дурак — я сам.

В воздухе повисло то гнетущее безмолвие, от которого кровь стынет в жилах.

Цянь Цзя мысленно прикинул свои шансы дожить до рассвета и пришел к выводу, что они равны нулю.

Тем временем в префектуре Интянь Великая старшая принцесса Вэнь Тянь раз за разом перечитывала весточки, присланные государем Шэнь-цзуном и старым управляющим из усадьбы Ше. Письма эти, в которых слуги послушно запечатлели каждый вздох и каждое слово очнувшегося сына, принцесса знала наизусть, но никак не могла выпустить из рук. Ее Туньэр зашевелил пальцами; Туньэр сумел сам удержать палочки; Туньэру наконец-то сменили жидкую кашу на мясную похлебку... Любая, даже самая ничтожная крупица добрых вестей заставляла ее материнское сердце сжиматься от волнения.

Слуга, бесшумно скользнувший в покои, прервал ее думы поклоном:

— Госпожа, докладывают, что господин Фан, как и было условлено, покинул столицу и держит

путь в Цзянцзо.

Вэнь Тянь даже не взглянула на вестника, лишь едва заметно кивнула, не выпуская письма из рук. Разум ее унесся далеко назад, к воспоминаниям о том дне, когда ей довелось впервые увидеть Фан Чаоцы.

То была весна. Императорский выезд тогда проделал утомительный путь: из Цзянцзо через Юэчжоу, Минчжоу и Динхай к самому Вэньчжоу. Долгих два года государь со свитой кочевал с места на место, пока не соизволил повернуть обратно. Шэнь-цзун, не желая оставлять больного племянника без присмотра, настоял, чтобы юношу везли следом. Ше Цзе натерпелся в той поездке безмерно: его выворачивало наизнанку у каждой дорожной вехи, а рассудок оставался мутным. К моменту возвращения в Цзянцзо земля уже пробуждалась от зимней спячки.

Фан Чаоцы вел отряд всадников. На фоне весенней прохлады, укутанный в легкое нарядное оплечье, усыпанный нежно-розовым цветом дикого абрикоса, он казался сошедшим с полотна небожителем — юным, статным и ослепительно прекрасным.

В тот день весь город сошел по нему с ума. И лишь ее глупый сын, едва державшийся на ногах от дорожной немочи, ухитрился язвить и выискивать изъяны. Ше Цзе отличался безграничным самолюбием, а уж образ безвременно ушедшего отца и вовсе возвел в абсолют. Любого, кто смел посягнуть на это величие, он встречал в штыки. И Фан Чаоцы, признанный первым красавцем и умником империи, удостоился лишь его детской ревнивой обиды.

Один — блестящий вельможа, другой — одетый в простое платье министр. Им бы дополнять друг друга, подобно весенним цветам и осенней хвое, но из-за капризов Ше Цзе их пути разошлись на долгие годы.

В этот раз принцесса твердо решила переписать их общую судьбу.

— Вели отправить гонца вслед за ним, — негромко распорядилась Вэнь Тянь. — Пусть разузнает, присмотрел ли он себе жилье в Цзянцзо. Коли нет, скажи, что у меня на примете есть славное местечко. Заодно черкни весточку нашему управителю: если господский дом освободится, пусть покуда не спешит сдавать его внаем.

Старшая служанка принцессы лишь недоуменно нахмурилась, но перечить не посмела. Госпожа сильно переменилась с тех пор, как зловещая звезда Инхо озарила небосвод.

<http://bllate.org/book/19472/1951778>